

КАТЕГОРИЯ “НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ” В ТЕОРИИ И ПОЛИТИКЕ

С.А. Пугачев

Анализируется изменение содержания категории “национальная безопасность” в политологии XX–XXI вв.

Ключевые слова: национальная безопасность, национальные интересы, внешние и внутренние угрозы, международная безопасность.

Категорию “национальная безопасность” впервые использовал президент США Теодор Рузвельт в своем послании конгрессу США в 1904 г. Первым из политологов определение этому понятию дал У. Липпман: “Государство находится в состоянии безопасности, когда ему не приходится приносить в жертву свои интересы с целью избежать войны и когда оно в состоянии с помощью войны защитить эти интересы в случае посягательства на них” [1: 5].

Широкое использование понятие “безопасность” получило в Соединенных Штатах в конце

1940-х – начале 1950-х гг., когда этим термином начали обозначать комплексную сферу военно-гражданских исследований стратегии, технологий, контроля над вооружениями в условиях “холодной войны”, когда проблема военного противостояния, особенно в новом ядерном измерении, превратилась в доминирующую сферу международных отношений. Так, по мнению К. Шмита, видного политолога середины XX столетия, “...только государство, его суверенитет, его мощная машина может обеспечить внутренний мир и безопасность, предложив

своим гражданам защиту в обмен на повиновение” [2: 61].

С созданием ООН ситуация стала меняться. Теоретики взаимозависимости Дж. Най и Р. Кеохейн в 1989 г. отмечали, что “баланс между силовыми теориями и национальной безопасностью плохо приспособлен к анализу проблем экономической и экологической взаимозависимостей. Безопасность в традиционной трактовке, вероятно, не является принципиальным вопросом, с которым сталкиваются правительства” [3]. В политический обиход все увереннее начали входить термины “экологическая” и “экономическая” безопасность, получили права гражданства “продовольственная”, “энергетическая”, “информационная”, “научно-техническая”, “этнокультурная” и “кибер”-безопасность.

Исследователи международных отношений последней трети XX в. встали на путь поиска новых концепций безопасности, что было связано с изменившимися условиями мировой политики после окончания “холодной войны” и развала социалистического блока. В этот период были сформулированы новые концепции безопасности: концепция кооперативной безопасности, концепция человеческой безопасности, теория демократического мира, концепция интегративной безопасности.

Исследования национальной безопасности приобрели особую актуальность с начала 1990-х гг. в результате развала СССР. В этот период состояние национальной безопасности постсоветских государств стало стремительно ухудшаться по всем параметрам. Многие из них подошли к опасной черте, за которой разрушение государства могло стать реальностью. Проблема обеспечения их национальной безопасности стала одной из приоритетных, помимо новых теоретических появилось множество нормативных и программных документов, регулирующих сферу национальной безопасности, определяющих принципы управления ею и одновременно являющихся важными этапами в ее концептуальном осмыслении.

Сегодня в современной зарубежной и российской политологии существуют различные подходы к трактовке категории “национальная безопасность”, но все их объединяет то, что национальная безопасность как состояние, обладающее определенной динамикой, исследуется с точки зрения структуры, которая может рассматриваться по различным параметрам.

Прежде всего, в структуре национальной безопасности выделяется субъект и объект. При

этом в роли субъектов национальной безопасности могут рассматриваться государство, отдельные индивиды, социальные группы, государственные, негосударственные и другие организации, осуществляющие деятельность по профилактике и преодолению социальных рисков и угроз. Под безопасностью понимается определенное состояние субъекта, характеризующееся крайне малой вероятностью негативных изменений присущих этому субъекту качеств и параметров его внешней среды. Безопасность как состояние субъекта определяется некоторым конкретным сочетанием различных параметров жизнедеятельности. При изменениях этого сочетания происходит отклонение от безопасного состояния, требующее, в свою очередь, определенных целенаправленных “возвратных” изменений. Сам субъект при этом может не вполне адекватно оценивать уровень собственной безопасности. Глубина расхождения между субъективной оценкой и реальным положением дел зависит от полноты и глубины информации о складывающейся ситуации, от степени влияния ее изменений на состояние безопасности и т.д. Понятие безопасности выражает отрицание опасности, состояние защищенности объекта, подвергающегося опасности, который может продолжать свое существование и развитие. Структуризация объектов позволяет выделить определенные аспекты, виды или составные части безопасности. Составными частями национальной безопасности являются экономическая, оборонная, внешнеэкономическая, геополитическая, общественная, экологическая, информационная безопасность и ряд других составляющих национальной безопасности. Они существуют в единой системе, взаимозависят друг от друга и взаимодействуют между собой.

Исследования национальной безопасности выявили, что для ее концептуальной характеристики необходимо использование таких категорий, как национальные интересы, внешние и внутренние угрозы. Исходя из этого, под национальной безопасностью стали понимать состояние страны, при котором отсутствует или обеспечивается надежное устранение (парирование) внешних и внутренних угроз жизненно важным интересам личности, общества и государства [4: 20].

Термин “национальный интерес”, по существу, охватывает все аспекты жизнедеятельности государства и общества. По мнению З. Бжезинского, “каковы бы ни были обстоятельства, управление государством и социально-политической безопасностью всегда осуществ-

вляется в соответствии с национальными интересами. Они не формируются случайно. В них выражена жизненная потребность народа в самосохранении как культурно-исторической общности, в поддержании стабильности своих основополагающих общественных и государственных институтов, в обеспечении внутренней и внешней безопасности государства. Потребность эта в свою очередь основана на геополитическом положении государства, традициях, культуре и духе народа, на его нравственных ценностях, экономическом укладе” [5: 20].

Тем самым национальные интересы приобретают характер глубокой социально-политической необходимости. Их реализации могут мешать различные реальные и воображаемые препятствия (мнимые, реальные и потенциальные угрозы), но они всегда остаются определяющим мотивом государственного управления. В.Н. Коновалов подчеркивает: “Национальные интересы – осознанные потребности государства, определяемые экономическими и геополитическими отношениями данного государства в данную эпоху, культурно-историческими традициями, необходимостью обеспечения безопасности, защитой населения от внешней угрозы и внутренних беспорядков, экологических катастроф и т.д.” [6: 10].

Следующий параметр – представление об угрозах безопасности. “Анализ существующих определений понятия «угрозы» свидетельствует, что в каждом из них, так или иначе, отражен процесс нанесения вреда, ущерба, опасности, посягательства на национальные интересы, негативного воздействия на них” [7: 72]. Угрозы могут быть реальными, уже имеющими место, либо возможными, потенциальными. На каждом уровне безопасности они также могут исходить как извне, так и изнутри субъекта или объекта безопасности, т. е. быть внешними и внутренними. Соотношение внешних и внутренних угроз очень динамично.

В период “холодной войны” представители практически всех парадигм и направлений политической науки исходили из понимания безопасности как способности государств к защите от внешних угроз. Возникла теория баланса угроз, утверждающая, что одно из государств (или коалиция государств) угрожает другим в случае его географической близости, его наступательной способности и агрессивности его намерений. При этом приоритетное значение имеют не столько декларации и даже не реальные намерения государств, угрожающие интересам других

государств, сколько восприятия их действий в качестве таковых. Состояние мира рассматривалось, прежде всего, как продукт безопасности и стабильности во взаимодействиях между государствами, а безопасность – как объект переговоров и контроля, направленного на достижение качественного и количественного равновесия сил. Поэтому основное внимание ученых, аналитиков и экспертов, занимающихся проблемами безопасности, было приковано к изучению угроз, исследованию вопросов применения и контроля военной силы [8]. Большое значение придавалось совершенствованию и созданию новых технических средств контроля проверки (спутники военного наблюдения, сверхчувствительные сейсмографы, многообразные инспекции) и мерам доверия и безопасности, которые разрабатывались в рамках ООН, ОБСЕ и других межправительственных организаций.

С конца 1980-х гг. началось становление новой парадигмы национальной безопасности, охватывающей в порядке приоритетности безопасность личности, общества и государства. В 90-е гг. прошлого века политологи пришли к выводу о росте влияния невоенных видов безопасности и о связи национальной безопасности с устойчивым развитием. Как отмечалось в документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.), “...понятие безопасности развивается. Оно все меньше и меньше касается военной сферы и по существу сливается с задачами налаживания устойчивого общепланетарного развития», являющегося политической проблемой” [9: 37, 66].

В России основными этапами осмысления категории “национальная безопасность” явились такие документы, как Закон РФ “О безопасности” 1992 г., Конституция РФ 1993 г., Концепция внешней политики РФ 1993 г., Основные положения военной доктрины 1993 г., Послание по национальной безопасности Президента РФ Федеральному Собранию 1996 г., Концепция национальной безопасности РФ 1997 г., Военная доктрина РФ 2000 г., Концепция национальной безопасности РФ 2000 г., Концепция внешней политики РФ 2000 г. и новая Концепция внешней политики РФ (12 июля 2008 г.), существенно дополняющая и развивающая Концепцию 2000 г. Принятые документы во многом основывались на проанализированных выше теоретических выводах. Но динамизм реальных внутривнутриполитических и внешнеполитических процессов потребовал дальнейшего развития теории национальной безопасности.

Как отмечает С.В. Кортунов, “...в 2000–2007 гг. особенно заметно проявился структурный кризис систем как международной, так и национальной безопасности. Стала очевидной коренная, органическая неадекватность данных систем новым вызовам и угрозам наступившего XXI в. Это делает еще более актуальным переосмысление методологических и концептуальных основ безопасности, диктует необходимость переоценки ресурсов и механизмов ее обеспечения, выявления и артикуляции национальных интересов, четкой расстановки приоритетов внутренней и внешней политики” [4: 12].

В 2002 г. Президент России дал поручение Совету безопасности разработать проект Стратегии национальной безопасности РФ. Необходимость этого поручения была обусловлена тем, что в условиях глобализации и распада сложившегося после Второй мировой войны миропорядка, в результате развала СССР и биполярного мира произошло резкое падение уровня управляемости международными процессами. Прежние системы и механизмы международной безопасности оказались неэффективными, резко возросла региональная и отчасти глобальная нестабильность. Это привело к тому, что национальная безопасность оказалась тесно связанной с безопасностью международной, т.е. многократно возросло международное измерение национальной безопасности. Системы национальной безопасности отдельных стран стали составными элементами, а в ряде случаев и “несущими опорами” международной системы, от прочности которых непосредственно зависит стабильность международной системы безопасности в целом.

Новая ситуация нашла отражение в фундаментальных исследованиях П.А. Цыганкова, А.Д. Богатурова, Н.А. Косолапова, М.А. Хрусталева, М.М. Лебедевой, А.В. Торкунова, Э. Баталова, В.М. Кулагина, Л.В. Возженикова, С.В. Кортунова, Д.И. Макаренко, Е.Ю. Хрусталева и др. [7; 10–17]. В результате этих разработок был выявлен “один из важнейших методологических принципов – принцип неразрывного единства внутренней и внешней политики” [4: 13]. При этом на первое место ставятся приоритеты внутренней политики, исходя из того, что безопасность понимается как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. Главным же источником угроз и вызовов национальной безопасности выступает внутренняя обстановка в стране, которая порождает внутренние проблемы, усу-

губляет внешние негативные факторы и затрудняет противодействие им.

В мае 2009 г. Указом Президента РФ утверждена Стратегия национальной безопасности РФ, в которой сказано: “В условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений, формирующих новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства, Россия в качестве гаранта благополучного национального развития переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности” [18]. Очевидно, что эта новая политика будет строиться с учетом выводов политологических исследований категории “национальная безопасность”.

Литература

1. *Lippmann W.* US Foreign Policy: Shield of the Republic. – Boston, 1943.
2. *Шмит К.* Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – №1.
3. *Keohane R., Nye J.* Transnational Relations and World Politics. – Cambridge, 1989.
4. *Кортунов С.В.* Национальная и международная безопасность: концептуальные основы: Учебное пособие. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.
5. *Возжеников А., Прохожев А.* Система жизненно важных интересов Российской Федерации. – М., 1998.
6. *Коновалов В.Н.* Безопасность: национальный и региональный аспекты // Международная безопасность и проблемы терроризма. – Ростов-на-Дону; М.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002.
7. Региональная безопасность: геополитические и геоэкономические аспекты (теория и практика): Монография / Под общ. ред. Л.В. Возженикова. – М.: Изд-во РАГС, 2006.
8. *Кеохейн Р.О.* Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. – М., 1999.
9. Доклад Конференции ООН по окружающей среде и развитию // A/Conf. 151/26 (Vol. IV). 20 September 1992.
10. *Цыганков П. А.* Теория международных отношений. – М., 2002.
11. *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений. – М., 2002.
12. *Богатуров А.Д.* Современный международный порядок // Международные процессы. – 2003. – №1.
13. *Лебедева М.М.* Мировая политика. – М., 2003.

Мониторинг

14. Политико-правовое измерение международных отношений и мировой политики // Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А.В. Торкунова. – М., 2004.
15. *Баталов Э.* Предмет философии международных отношений // Международные процессы. – 2004. – №1 (4).
16. *Кулагин В.М.* Международная безопасность: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2006.
17. *Макаренко Д.И., Хрусталева Е.Ю.* Концептуальное моделирование военной безопасности государства / Центр. экон.-мат. ин-т РАН; Ин-т проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН. – М.: Наука, 2008.
18. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. – <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>